

С. В. Дмитриев, Д. Н. Худоназаров

**ГРАФ А. А. БОБРИНСКОЙ, Н. В. БОГОЯВЛЕНСКИЙ,
А. А. СЕМЕНОВ И ИХ ПУТЕШЕСТВИЯ НА ПАМИР
НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ.:
НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И КОЛЛЕКЦИИ**

Летом 1895 г. в русскую Среднюю Азию отправились два молодых человека. Старший из них, граф Алексей Алексеевич Бобринской (21.12.1861, Москва — 4.12.1938, Сиузи, Тироль, Италия), которому было тридцать четыре года, принадлежал к высшему слою общества дореволюционной России. Он был сыном Алексея Бобринского и Софьи Шереметевой, внуком Василия Бобринского и Софии Соковниной, правнуком Алексея Бобринского и Анны фон Унгерн, праправнуком Григория Орлова и Екатерины Второй. Родители его матери, Алексей Васильевич (1800—1857) и Екатерина Сергеевна (1813—1890), происходили из старинного рода Шереметевых. По этой линии предками Алексея Алексеевича были князья Львовы, Хованские, Гагарины, бояре Лопухины, князья Голицыны. Послереволюционная эмиграция явилась причиной того, что вся его деятельность в области географии и этнографии памирских народов, а также исследования русского народного творчества надолго была забыта советской историографией.

При жизни и особенно после нее имя графа Алексея Алексеевича долгое время оставалось в тени его более известного родственника, троюродного брата графа Алексея Александровича Бобринского, председателя Археологической комиссии, которому некоторые авторы и поныне приписывают труды Алексея Алексеевича¹. Между тем граф Алексей Алексеевич был яркой личностью и достоин того, чтобы остаться в памяти потомков как один из первых исследователей культуры и этнографии горных таджиков, русский патриот, оставивший значительные труды в области изучения русской традиционной культуры. Роль его в науке подчеркивается тем, что после своей кончины граф А. А. Бобринской был удостоен публикации некролога в таком авторитетном научном издании, как «Annales de l'Institut

Kondakov (Seminarium Kondakovianum)»², в котором его автор Д. А. Расовский использовал материалы, предоставленные вдовой путешественника М. Д. Бобринской³. После этого имя графа было надолго предано забвению. Только в конце 1990-х годов о нем был написан небольшой очерк А. М. Решетовым. Примерно в те же годы М. Талалай и Б. Марабини-Цеггелер выпустили в Италии, в Больцано, книгу, названную ими «Русская колония в Мерано», в которой кратко упоминали о жизни А. А. Бобринского в эмиграции⁴. На страницах их книги был опубликован и фотопортрет графа. Долгие годы судьбой графа занимается Д. Н. Худоназаров⁵.

Как следует из некролога, подготовленного к печати Д. А. Расовским, граф А. А. Бобринской после окончания Московского лицея несколько лет служил в Царскосельском лейб-гвардии Гусарском полку, после чего поселился в Москве, проводя также часть времени в своем имении Бобрики Тульской губернии. Здесь он занимался делами имения и коннозаводством. Будучи страстным библиофилом, граф собрал в своем московском особняке прекрасную библиотеку по археологии и истории искусств, часть которой еще до Первой мировой войны он перевез в Тироль, где у него была вилла и где он в летние месяцы любил работать.

Вторым молодым человеком, отправившимся в путешествие на Памир, был 24-летний недавний выпускник Московского университета Н. В. Богоявленский. О его жизни мы узнаем из посвященных ему нескольких небольших посмертных очерков⁶ и особенно из содержательной статьи, написанной его близким другом и коллегой, профессором Московского университета А. Д. Некрасовым⁷.

Согласно изложенным в этих статьях данным, Николай Васильевич Богоявленский (7.10.1870 — 14.07.1930) был уроженцем Рязани, его отец был делопроизводителем Рязанской губернской чертежной. С четырнадцати лет в связи со смертью отца мальчик, чтобы содержать большую семью, уже начал работать. Это, однако, не помешало ему окончить гимназию и поступить на естественное отделение Московского университета. В студенческие годы он жил в знаменитом тогда общежитии, известном как «Ляпинка», где был довольно популярен. Как специалист он вышел из школы профессора А. П. Богданова, известного деятеля науки того времени, одно-

го из организаторов Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, инициатора многих знаменитых в дальнейшем проектов, сыгравших огромную роль в русской науке и общественной мысли (среди них были организация Этнографической выставки 1867 г., Антропологической выставки 1879 г., Политехнической выставки 1872 г., Политехнического и Зоологического музеев Московского университета и мн. др.). Непосредственным руководителем Н. В. Богоявленского, связь с которым он сохранял все последующие годы, был ученик А. П. Богданова профессор Н. Ю. Зограф.

После окончания университета в 1894 г. Н. В. Богоявленский был приглашен А. П. Богдановым в качестве сверхштатного ассистента Зоологического музея без содержания, однако ему выплачивались 36 руб. в месяц, предназначенные штатному музейному «чучельщику», которого в то время там не было. Кроме того, он преподавал географию в женской гимназии Калайдович.

Как произошло знакомство графа А. А. Бобринского и молодого выпускника университета Н. В. Богоявленского, нам неизвестно, но предполагаем, что случилось это в стенах Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, к тому же оба они имели явную склонность к путешествиям. В 1895 г. граф приглашает Н. В. Богоявленского в качестве натуралиста в экспедицию, которую он организовал на свои средства. Экспедиция должна была отправиться в верховья Амударьи на Памир. Ни тот ни другой ее участник никогда не были в Средней Азии, как не было у них и прямых научных интересов в этом регионе. По представлениям А. Д. Некрасова, который ссылается на воспоминания Н. В. Богоявленского, экспедиция первоначально имела так называемый «охотничий» характер, однако фундаментальная подготовка молодого ученого, полученная им в университете, позволили превратить ее в научное мероприятие.

Научного отчета об этой экспедиции, если он и был, обнаружить не удалось. Считалось также, что неизвестен и маршрут экспедиции, однако его удалось выяснить. В ходе этой поездки Н. В. Богоявленским среди других материалов был собран и небольшой гербарий (несколько десятков растений), который затем был передан в Императорский Ботанический сад. Там он был обработан О. А. Федченко,

которая опубликовала его в своей работе «Флора Памира»⁸. Как отмечает известный ботаник В. И. Липский, к которому этот гербарий поступил первоначально, он при подготовке к публикации своей работы «Флора Средней Азии»⁹ ввиду некоторых неточностей в обозначении растений обратился за уточнениями к собирателю, который и сообщил ему свой подробный маршрут 1895 года. Согласно опубликованным В. И. Липским сведениям, со слов Н. В. Богоявленского этот маршрут выглядел следующим образом¹⁰:

Месяц	Число	Маршрут
Апрель	28, 29	Пенджикент
	30	Варзи-канда — Аргуч
Май	1	Аргуч — Куль-и-калон
	2	Куль-и-калон
	3	Куль-и-калон — Памиан
	4	Памиан — Макшеват
	5	Макшеват — Пети
	6	Пети — Камар
	7	Камар — Сангистан
	8	Сангистан — Шахристан
	9	Шахристан — Ура-Тюбе
	10	Ура-Тюбе — Ходжент
	11	Ходжент
	12	Ходжент — Кокан
	13	Кокан
	14, 15	Маргелан
16—21	Ош	
22	Ош — Ак-джар	
23	Ак-джар — Каплан-Куль	
24	Каплан-Куль	
25	Каплан-куль — Гульча	
26	Гульча — Кизыл-курган	
27	Кизыл-курган — Кулянка-тугай	
28	Кулянка-тугай — Ак-Босога	
29—31	Ак-босога	
Июнь	1	Ак-босога — Сары-таш (Хатын-арш)

	2	Бар-таш — Бор-тепе
	3	Бор-тепе — Кок-Куль
	4	Кок-Куль — Кара-Куль
	5, 6	Кара-Куль
	7	подножие Ак-байтала
	8	Ак-Байтал — Рабат №2
	9	Рабат №2 — Мазарки
	10	Мазарки — Мургаб (Памирский пост)
	15 (так. — С. Д.)	Мургаб — Ранг-Куль
	16	Ранг-Куль
	17	Шора-Куль
	18, 19	Памирский пост
	20	Памирский пост — Кара-су
	21	Кара-су — Кур-теке
	22	Кур-теке — Машали
	23	Машали
	24	Машали — перевал Андеманын (подножие)
	25	Андеманым (южный склон)
	26	Андеманым — Чакмактын-куль
	27	Чакмактын-Куль — Бозай Гумбез
	28	Байкара (Гиндукуш)
	29	Перевал ИONOBA (Худынгут)
	30	Бозай Гумбез
Июль	1—7	Бозай Гумбез (Гиндукуш)
	8	Чакмантын-Куль
	9	Северная сторона Андеманына
	10	Сары-Горум
	11—13	озерo Зор-Куль
	14	река Памир
	15	Кок-белес
	16	Булюн-Куль
	17	Яшиль-Куль
	18	Гурумды
	19	Кара-су
	20, 21	Мургаб (Памирский пост)
	22	Рабат №2
	23	Ак-Байтал

	24	Кара-Куль
	25	Кизыл-Куль
	26	Сары-таш
	27	Ак-босога
	28	Уч-тепе
	29	Кулянка-тугай
	30, 31	Гульча
Август	2	Ош

Время, когда проходила экспедиция графа А. А. Бобринского и Н. В. Богоявленского в 1895 г., было достаточно сложным. Как описывал позднее Н. В. Богоявленский, «то было время жгучего памирского вопроса. Русские только что послали свой отряд войск для постоянного пребывания на Памирах (имеются в виду действия отрядов под командированием полковника М. Е. ИONOVA. — С. Д.), афганцы только что завоевали, с поущения англичан, ханства, лежащие по Пянджу, и о зверствах при завоевании этих ханств рассказывались прямо ужасы. Русские часто приходили в соприкосновение с афганцами; эти столкновения оканчивались выстрелами, а при одном из озер Памирских произошло даже небольшое сражение, где сотня русских казаков окружила афганский отряд»¹¹. В данном случае имеется в виду сражение русских с афганцами около озера Яшиль-Куль. Экспедиция собрала здесь черепа погибших афганских солдат, а также материалы по антропологии горных таджиков, которые в дальнейшем поступили в Московский университет, однако так и не были опубликованы собирателем. В озерах и реках Памира были собраны также довольно обширные зоологические материалы, особенно гидробиологические¹². Кроме того, антропологический материал был собран экспедицией в Макшеватских пещерах¹³, куда члены ее добрались вместе с известным в Туркестане фотографом и коллекционером капитаном Л. С. Барщевским¹⁴, причастным к этой экспедиции. В этой пещере, как описывается в книге антрополога Н. Ю. Зографа «Череп из Макшеватских пещер», изданной А. А. Бобринским в 1899 г., был обнаружен «священный для местного населения высохший и сохранившийся лишь наполовину труп, считае-мый местным населением за труп святого Исаака-Хаджи, и кроме

этого трупы находятся также и черепа других людей, о которых также существуют небезынтересные предания»¹⁵.

В этой поездке зародилась и в дальнейшем окрепла дружба между аристократом графом А. А. Бобринским и выходцем из разночинных слоев общества Н. В. Богоявленским. В совместной работе выработались принципы систематического отношения как к науке в целом, так и к экспедиционной работе, методике сбора, обработки и подготовки к печати фундаментальных трудов, которые в дальнейшем стали визитной карточкой графа в науке.

В следующем, 1896 г., в том же составе друзья сделали попытку проведения научной экспедиции в Персии. Попытка эта описана в небольшой статье Н. Н. Фирсова, опубликованной в 1911 г.¹⁶ Цели этой поездки были те же, какие сложились в ходе первой экспедиции на Памир, т. е. сбор этнографических и зоологических материалов. Экспедиция получила поддержку РГО, которое снабдило их официальными рекомендациями к российским дипломатическим представительствам на Ближнем Востоке, однако обстоятельства не позволили успешно ее завершить. Несмотря на столь неудачно закончившееся предприятие, тяга к исследованию этого региона у графа А. А. Бобринского и Н. В. Богоявленского осталась. Несколько позднее, в 1902 г., последнему все же удалось реализовать небольшие средства, пожертвованные на эту труднейшую экспедицию ихтиологическим отделением Общества акклиматизации животных и растений. Об этой поездке мы знаем из воспоминаний А. Д. Некрасова, кратких упоминаний самого Н. В. Богоявленского в его более поздней статье о путешествии по Нилу в 1907 г.¹⁷, из его небольшой статьи о жемчужных промыслах в Персидском заливе¹⁸, доклада путешественника в Обществе любителей естествознания, прочитанного им 1 марта 1903 г.¹⁹, а также из небольшой книжки Г. Н. Горячкина и М. А. Кисловой, написанной по материалам дипломатического ведомства²⁰. Из этой экспедиции Н. В. Богоявленский привез «громадную коллекцию водных животных Персидского залива», которая в марте 1903 г. демонстрировалась на IX Международной выставке по гидробиологии, рыбоводству и рыболовству, проходившей в Охотничьем клубе в Москве, где получила высокую оценку²¹.

В 1898 г. состоялась вторая среднеазиатская экспедиция графа А. А. Бобринского и Н. В. Богоявленского. О ней мы имеем достаточно полное представление благодаря путевым заметкам и статьям ее участников. По рекомендации известного востоковеда и исследователя русского фольклора В. Ф. Миллера к уже проверенной компании присоединился молодой востоковед Александр Александрович Семенов (1873—1958), тогда еще студент Лазаревского института восточных языков, ученик самого В. Ф. Миллера, а также академика Ф. Е. Корша и Н. Н. Харузина. Впоследствии А. А. Семенов стал видным отечественным ориенталистом, академиком АН Таджикской ССР, членом-корреспондентом АН Узбекской ССР, директором Института истории, археологии и этнографии АН Таджикистана²². Этот молодой человек, владевший арабским, персидским и турецким языками, стал, по-видимому, основным лицом этой экспедиции, повлиявшим на ее научные результаты²³.

К тому времени А. А. Семенов, несмотря на свою молодость, во время обучения в Лазаревском институте совершил уже несколько поездок на Восток. Так, он побывал в Азербайджане, в Дербенте жил в персидской семье. В 1897 г. он впервые путешествовал по Средней Азии. Как он писал об этой поездке, «знания, данные мне Лазаревским институтом, были настолько достаточны, что в 1897 г., не имея при себе не только никаких бумаг, но даже без паспорта в кармане, перерезал всю Среднюю Азию, побывав в кочевьях туркмен и около месяца прожив в сердце страны, в Бухаре»²⁴.

В 1898 г. Бобринской, Богоявленский и Семенов «были командированы Императорским Московским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии. Пребывание названных лиц (т. е. наших экскурсантов. — С. Д.) в тех местах продолжалось почти четыре месяца, за это время были посещены и исследованы более или менее обстоятельно Зарафшанские горы, Каратегин, Дарваз и часть равнинной Бухары, пограничной с Афганистаном»²⁵. Разделение труда членов экспедиции было таково: А. А. Бобринской взял на себя изучение внешнего быта, преимущественно его орнамента, А. А. Семенов поставил себе задачей изучение языка и фольклора народонаселения, на Н. В. Богоявленском же лежала задача изучения горцев в антропологическом отношении, собирание зоологического

материала, фотографирование, а также метеорологические и географические наблюдения²⁶.

Н. В. Богоявленский, будучи хорошим фотографом, много снимает. Часть этих фотографий публикуются в трудах участников экспедиции, на некоторых из них стоит подпись «Фотография П. П. Павлова» — по имени мастерской фотографа, где производилась обработка пластинок-негативов. В начале 1970-х годов фотографическая коллекция Н. В. Богоявленского, в том числе его более поздние фотографии, сделанные в ходе последующей поездки на Памир, были переданы в фонды Института этнографии и антропологии АН СССР в Москве.

В 1898 г. экспедицию сопровождал проводник Якуб Измаилджанов²⁷. По всей вероятности, его, своего, можно сказать, старого друга, рекомендовал Бобринскому и Богоявленскому Л. С. Барщевский. Возможно, он был в составе экспедиции еще в 1895 г., так как к ней был причастен и сам Л. С. Барщевский.

Якуб Измаилджанов был весьма примечательной во всех отношениях фигурой, являя собой тип проводника по Памиру того времени. В. И. Липский, которого он также сопровождал в его экспедициях по бухарским владениям в 1897 (в этой поездке участвовал также и сам Л. С. Барщевский, исполняя, кроме всего прочего, и роль фотографа) и 1899 г., оставил развернутый портрет этого человека.

Происходил Якуб из ирани, т. е. персов, был, соответственно, шиитом. По сведениям, сообщенным, вероятно, В. И. Липскому Л. С. Барщевским, отец его до завоевания Самаркандской области русскими войсками, был начальником в Ката-кургане, где у него было кое-какое имущество. Испугавшись приближения русских войск²⁸, многие местные жители бежали, оставив все на произвол судьбы. В их числе был и отец Якуба. Когда гроза прошла и все оказалось не так уж страшно, то возвращаться на старые места было уже поздно, там все уже было разграблено, причем не русскими, а своими же. Семья переселилась в Самарканд. Там Якуб, тогда еще почти мальчик, познакомился с капитаном Барщевским, понравился ему. Тот выучил его русскому языку, брал в свои путешествия, сделал его своим доверенным лицом. В результате, как пишет о Якубе Липский, «из него выработался тип столь редкого еще (или, точнее, единствен-

ного в своем роде) проводника в Средней Азии. Грамоты он не знал; главные средства к существованию заключались в небольшом куске земли; но в течение целого ряда лет, путешествуя в качестве переводчика и проводника то с Л. С. Баршевским, то с другими людьми, вознаграждавшими иногда его услуги щедро, он находил в этом порядочное подспорье. К путешествиям он настолько пристрастился, что они сделались для него потребностью. Когда я (т.е. Липский. — С. Д.) путешествовал с ним в последний раз в 1899 г., то он не без гордости говорил, что уже 22-й год он не знает, какое лето бывает в Самарканде. Он настолько уже привык к разным манипуляциям, настолько научился переводить разные наблюдения, что сам раскладывал и готовил фотографический аппарат, ставил кипятить гипсотермометр, собирал растения, особенно артистически умел выкапывать корни и луковицы, собирал насекомых и друг. животных, действовал геологическим молотком (в геологии он особенно чувствовал себя сильным и как только находил ископаемую раковину, сейчас же развивал свою теорию о том, что тут прежде было море)²⁹ и т. д.

В путешествии он был незаменимый человек. Всегда в хорошем расположении духа, никогда не отказывающийся от какого угодно трудного предприятия, неутомимый в езде и ходьбе, он, благодаря также своим многочисленным знакомствам в разных местах, знанию бухарцев и вообще умению обходиться с туземцами, был для меня сущей находкой, которую я оценил лишь со временем. При всем том это был безукоризненно честный и верный человек, как в этом мне пришлось убеждаться не раз, служивший верой и правдой по своему разумению во всем до мелочей. Кроме своих непосредственных обязанностей служить переводчиком, смотреть за людьми и вещами, он исполнял обязанности и повара, и буфетчика; готовить и подавать чай и прочую еду, хранить и выдавать съестные припасы было также его обязанностью.

Это был ходячий запас. Горький опыт, вынесенный из многих путешествий, научил его быть запасливым, а потому как в его вьюке, который он постоянно возил на своей лошади, так [и] в многочисленных складках его халатов и обширных карманах, за пазухой и других отделениях широкой азиатской одежды, у него всегда были

особые склады всевозможных нужных вещей и припасов, которые в критическую минуту являлись как нельзя более кстати, к особенному торжеству Якуба. Так как он постоянно бывал при нас, то мы к тому же почти всегда навьючивали его и научными инструментами, например анероидом, гипсотермометром, а также папкой для растений, молотками и т. п. А потому легко понять, что это бывала за фигура. Впрочем, своим научным багажом он никогда не смущался и даже импонировал перед туземцами»³⁰.

В 1897 г. Якуб Измаилджанов не смог участвовать в поездке В. И. Липского, потому что ему представился случай побывать в Санкт-Петербурге, где он получил бронзовую медаль за свои труды в первой экспедиции В. И. Липского в 1896 г.³¹

Экспедицию А. А. Бобринского 1898 г. снарядили в Самарканде, и в мае она отправилась в Пенджикент. Дальнейший путь пролегал через перевал Фан Агба к озеру Искандеркуль, через перевал Мур в Каратаг, в Гиссарскую долину, «Оби Гарм, по р. Сурхобу до кишлака Дехи-Гуломон — оттуда через перевал Яфуч в долину р. Хингоу, по которой экспедиция дошла до р. Ситарги и перевала того же имени, через который перешла 29 июня в долину р. Ванджа, по которой спустилась до впадения ее в Пяндж. По Пянджу экспедиция спустилась до Калаи Хумба, а оттуда через перевал Тальбар перешла до долины реки Яхсу, до Куляба»³². Далее Кабадиан, Пата-Гиссар, оттуда на пароходе до Чарджуя, где путешественники пересели на поезд до Самарканда. За это время им пришлось преодолеть пять горных перевалов. Каждый раз надо было подниматься на вершину горы с одного склона и, перевалив через нее, спускаться по другому склону. Вершина горы и склоны были заснежены и покрыты ледяной коркой, на пути встречались многочисленные трещины. Это тяжелейший труд, если принять во внимание, что у них было много вычного груза, караван состоял из 13-ти человек и 15-ти лошадей.

От экспедиции часто отделялся А. А. Семенов: не желая тратить драгоценное время на исследования естественноисторического характера, например на исследование ледников, он работал по своему плану³³.

На юге Вахшской долины путешественники увидели развалины городов, напоминающие о когда-то развитой цивилизации. Бобрин-

ской и его спутники хотели остаться дольше, однако свирепствовавшая в этих местах малярия не позволила им задержаться. Большинство участников экспедиции страдали от припадков болотной лихорадки. Путешественники вернулись в Самарканд 14 августа 1898 г.

Некоторые воспоминания Н. В. Богоявленского нашли отражение в его жизнеописании, составленном его другом А. Д. Некрасовым: «Эти экспедиции были тогда чрезвычайно тяжелы и представляли немалые испытания для нервов. Многое из устных рассказов Н. В. исчезло в памяти. Как жаль, что не записывалось все это в то время! А сам Н. В. напечатал лишь только статью в “Землеведении”». К какому из трех его путешествий на Памиры относятся некоторые соединившиеся в моей памяти эпизоды, я не знаю. Помню только, как Н. В. рассказывал о каком-то горном перевале: едешь верхом на лошади по горной тропинке, с одной стороны тропинки каменная стена, идущая вверх, с другой стороны — обрыв — обрыв в бездну вниз. Сама тропинка наклонена в сторону обрыва и постоянно осыпается. Все время думаешь, что полетишь с лошадью вниз, нервы напряжены до крайности и так едешь в течение 9 часов. Помню, как было приключение на одном из туркестанских озер на плоту, который вдруг понесло течением к истоку реки, большим водопадом изливавшейся из озера. Местные жители, старавшиеся всеми силами грести к берегу, уже отчаялись и, бросив весла, стали призывать Аллаха, когда благодаря случайному направлению течения плот подвинулся сам к берегу, так что Николай Васильевич и спутники смогли спастись. Помню рассказ о том, как, для того чтобы заставить молодых парней таджиков позволить снять с них фотографии и произвести измерения, Н. В. раздавал первым, кто позировал ему, бусы и другие украшения и как местные девушки посылали сами своих возлюбленных, чтобы получить и на свою долю»³⁴.

Статья Н. В. Богоявленского в журнале «Землеведение» изобилует множеством этнографических зарисовок. Например, он отмечает, «что население долин Хингоу и Ванджа называет себя таджиками. Подчинившись Бухаре, оно приняло также и бухарскую культуру. Если посмотреть на горца, то он одет так же, как и чистокровный уроженец Бухары, — неизменная тюбетейка, халат, обыкновенно из

русского ситца, пояс, нижнее белье, длинная рубашка и шаровары и горные сапоги. Но при этом внешнем сходстве у горца названных долин осталось одно, что он свято хранит как пережиток, может быть, весьма отдаленный, но во всяком случае своей, собственной культуры. Это орнамент на лицевых занавесках, орнамент оригинальный по своей связи с орнаментом русским, состоящим из расшитых петухов и иных птиц; другой орнамент — на чулках. Узоры этих чулок свято хранятся в каждой семье и передаются от матери к дочери. Любопытно, что в соседнем Каратегине не умеют вязать таких чулок и покупают их в Дарвазе». Далее он отмечает, что «в настоящее время горцы — магометане-сунниты, но магометанство не наложило на них никакой религиозной нетерпимости. Часто мечети их обращаются в гостиницы для проезжающих; так, мы часто пользовались мечетями для своих целей — и когда ночевали, проявляли в них фотографические пластинки. Зимой мечети служат туземцам вместо клубов. Занесенное снегом и оторванное от всякого сообщения с внешним миром мужское население собирается в мечети, ведет разговоры и иногда затевает игры»³⁵.

На р. Яхсу экспедиция встретила поселения арабов, проживавших в кишлаках от Тальбора до Мазах-ходжа. Н. В. Богоявленский описывает их поселения и жилища. Отмечая, что при распространенности ислама, горцы сохранили свою демонологию, веру в добрых и злых духов, приводя любопытные сведения о крашении куриных яиц во время больших праздников и катании и битье их, Н. В. Богоявленский сообщает, что этнографические особенности горцев должны быть изложены А. А. Семеновым³⁶.

По материалам этой экспедиции несколько статей написал А. А. Семенов³⁷, который за свои труды «Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза» и «Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии»³⁸ был удостоен золотой медали Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, в число членов которого его приняли в 1900 г. Эти книги кроме фотографий Н. В. Богоявленского снабжены также рисунками самого А. А. Семенова, который, увлекшись рисованием во время учебы в Лазаревском институте, сблизился с кружком молодых художников, группировавшихся вокруг Московского училища

живописи, ваяния и зодчества, усердно там занимался и, хотя не стал профессиональным художником, прошел хорошую школу рисунка и в экспедиции 1898 г. выполнял «по совместительству» и обязанности художника³⁹.

Как пишет А. Д. Некрасов, Н. В. Богоявленский и граф А. А. Бобринской начинают собирать этнографический материал, результатом чего стала уникальная в своем роде коллекция вышивки памирских народов⁴⁰, опубликованная впоследствии в ставшем знаменитым альбоме графа, изданном в 1900 г. на его средства⁴¹.

Граф А. А. Бобринской издал свой труд под названием «Орнамент горных таджиков Дарваза». В. В. Стасов, известный русский критик и искусствовед, большой знаток орнамента, назвал ее «книгой-альбомом или атласом». Стасов высоко оценил труд Бобринского и выступил в поддержку награждения его золотой медалью Императорского археологического общества. Стасов подчеркнул, что самая важная часть из собранной Бобринским коллекции в Средней Азии — это дарвазские вышивки и вязанье, ранее совершенно неизвестные в Европе и в России и потому имеющие для российской науки чрезвычайно важное значение. Особенно он отметил родство русского орнамента с орнаментом иранских племен, о котором российской науке было известно лишь по архитектурным памятникам. Многочисленные вышитые и вязаные предметы, собранные графом Бобринским, и изданная им книга об орнаменте таджиков Дарваза «богато восполняют существовавший до сих пор пробел и дают» возможность дальнейшего изучения этого рода художественного народного творчества. Орнамент таджикский вместе с русским, по мнению Стасова, является богатым по характеру и форме и по своему разнообразию. «Вот этот-то особенный, оригинальный стиль (горных таджиков), имеющий столько сходства и родства со стилем древнейших русских вышивок и вязаний, является теперь <...> новым элементом для русской науки, русской этнографии, русского народоведения. Дело идет <...> о разнообразных элементах и коренных влияниях, действовавших в древнейшие времена на образование состава и физиономии древней культурной Руси»⁴².

Изделия, опубликованные в книге «Орнамент горных таджиков Дарваза», составляли личную коллекцию А. А. Бобринского. В ее

состав вошли четырнадцать лицевых свадебных занавесок, две головные женские повязки, тридцать образцов вышивок для ворота женской рубахи, шесть образцов хлопчатобумажных тканей, два вышитых пояса, два свадебных платка жениха, а также несколько пар вязаных чулок *джораб*. На сопроводительных документах к лицевым занавескам указаны названия селений и мест, где они были приобретены — Кеврон, Иштион, Джорф (на р. Пяндж), Тальвар (на р. Яхсу), Тавильдара, Калай-Лоджурк, Рога, Арганкун, Иштион (на р. Хингоб), Калай-Рохарв (на р. Ванч).

Интересна судьба этой коллекции, которая во многом была типичной для многих частных коллекций дореволюционной России. Еще в 1900 г. А. А. Бобринской предлагал ее Русскому музею⁴³, однако тогда она не была приобретена и до 1917 г. хранилась в его доме в Москве. После Октябрьской революции коллекция А. А. Бобринского была конфискована, поступила в Московский музейный фонд, откуда в 1927 г. передана в Музей народоведения⁴⁴, который впоследствии стал называться Музеем народов СССР. После Великой Отечественной войны в 1948 г. коллекции этого музея были переданы в Ленинград, в Государственный музей этнографии, который ныне носит название «Российский этнографический музей». Здесь она хранится и поныне.

Следует также отметить, что 1 августа 1917 г. в Совет Этнографического отдела Русского музея поступило заявление А. А. Бобринского о принятии в дар сартовского седла. Постановлением Совета от 25 августа 1919 г. дар был принят, и седло зарегистрировали под коллекционным номером 3890-1⁴⁵.

Первого декабря 1901 г. Н. В. Богоявленский закончил свою известную статью об экспедиции 1898 г., из которой мы в основном и черпаем информацию о ней⁴⁶. Некоторую задержку с ее подготовкой он объясняет своей болезнью, которая не позволила ему полтора года заниматься обработкой собранного материала⁴⁷. По всей вероятности, имеется в виду малярийная лихорадка, которой, как почти все участники экспедиции, он переболел в Средней Азии и которая преследовала его в течение всей дальнейшей жизни⁴⁸.

Последняя поездка графа А. А. Бобринского и Н. В. Богоявленского на Памир состоялась летом 1901 г. Они побывали в самых

верховьях реки Пяндж, откуда берут воды ее притоки Гунд, Шохдара, Бартанг, где познакомились с жизнью обитателей Шугнана и Рушана, а горцы Вахана и Ишкашима вновь стали предметом специального этнографического исследования. Об этой экспедиции Н. В. Богоявленский оставил краткие заметки, к сожалению, странно обрывающиеся при их публикации на запятой. В них он отметил большие изменения, которые произошли в этих местах за те немногие годы, когда они побывали здесь в первый раз в 1895 г. «Мы были тогда вскоре после этих событий (т. е. столкновений с афганцами в начале 1890-х годов. — С. Д.), и посещение Памиров считалось делом более или менее трудным. В нынешний раз уже на Памирах все изменилось: русские посты стояли во многих местах Памиров, даже по западным склонам, где находятся отошедшие под власть Бухары, а следовательно, и нашу, независимые ранее государства; по всем Памирам ходит военная почта. Доступ на Памиры стал благодаря этому необыкновенно легок, и только чисто местные климатические условия заставляют подумать несколько о более удобном снаряжении»⁴⁹.

В своей статье Богоявленский дает краткий очерк климатических условий, влияния высокогорного разреженного воздуха на условия проживания в этих местах, на причины их малонаселенности, особенности культуры. Особое внимание его как зоолога привлекали водоемы. Для передвижения по озерам экспедиция специально привезла с собой парусиновую лодку. Исследованию подверглись о. Зоркуль (или Виктория), открытое в 1830-х годах английским путешественником Вудом, о. Друм, р. Шахдары, в бассейне которой существует множество озер, одно из которых особенно заинтересовало экспедицию, «так как в нем, по всем рассказам, находились наиболее древние поселения таджикские, [что] заставляло нас отнести к этому озеру с большим волнением»⁵⁰. Далее исследования велись на озерах Яшиль-Куль, Газ-Куль, Шор и Ранг-Куль, соединенных между собой небольшой речкой — недалеко от китайской границы. Собранные в этих озерах зоологические материалы были «переданы г. Алькому в Калькутте»⁵¹. Продолжения и итогов этой экспедиции мы из этой статьи не узнаем в связи с указанным дефектом.

В том же году совершал свою известную экспедицию по Шугнану биолог и путешественник Б. А. Федченко. В конце июня, нахо-

дясь в кишлаке Казыды, он узнал, что недалеко, в кишлаке Баршоу, находится экспедиция графа А. А. Бобринского, в составе которой был его хороший знакомый по Московскому университету Н. В. Богоявленский. Поэтому, несмотря на уже поздний час, все члены экспедиции Федченко отправились к ставке графа, где и были любезно приняты. Уже поздно вечером, несмотря на уговоры, они двинулись по своему маршруту далее и прибыли в дальнейшем в Хорог ранее каравана экспедиции Бобринского, которая также туда направлялась⁵².

Во время своих экспедиций в восточные страны Н. В. Богоявленский, бывший страстным коллекционером, собирал самые разные предметы местного происхождения, в первую очередь образцы декоративно-прикладного искусства. Он чрезвычайно интересовался глиняными изделиями, коллекция которых у него была довольно содержательная. По-видимому, в ней были и предметы, происходящие с Памира. Судьба его коллекций нам неизвестна. Собирал он и необычные для коллекционирования вещи. Так, у него составила коллекция турецких, персидских и греческих газет, которые, по некоторым сведениям, он передал в библиотеку Московского университета⁵³.

Результатом экспедиции 1901 г. стало открытие в среде памирских народов исмаилитов — разновидности шиитов, распространенной достаточно широко в мусульманском мире.

В это время исследование этого края со стороны российских и иностранных исследователей было достаточно интенсивным. Здесь проходили географические, геологические, ботанические, зоологические экспедиции⁵⁴. Некоторые из ученых-естественников (А. Э. Регель, Д. Л. Иванов и др.) оставили достаточно содержательные заметки о культуре памирских народов, в том числе шугнанцев. Д. Л. Иванов даже составил небольшой шугнанский словарь, который исследовал академик К. Г. Залеман и который послужил поводом к его поездке на Памир с целью изучения шугнанского языка⁵⁵. Однако именно третьей экспедиции графа Бобринского принадлежит честь открытия исмаилитов Памира.

В 1901 г. в «Трудах Восточной комиссии императорского Московского археологического общества» сообщается, что 15 декабря

1901 г. граф А. А. Бобринской прочитал «свои дорожные записи, сделанные на основании многочисленных бесед с населением Вахана и других местностей Памира, и — как сообщается далее, — графу Бобринскому удалось установить, что население этих местностей, принимаемое официально за суннитское, есть на самом деле шиитское и притом — секты исмаилъйе <...> Граф Бобринский познакомил Восточную комиссию с вероучением современных исмаилитов, которое и до сих пор мало чем отличается от их вероучения, известного из истории <...> Доклад графа Бобринского вызвал оживленные расспросы и обмен мнений между всеми членами Восточной комиссии, которые просили графа скорее опубликовать свои материалы. Вскоре он напечатал часть своего сообщения в Этнографическом обозрении за 1902 г. и отдельным оттиском»⁵⁶. Имеется в виду его статья «Секта исмаилья в русских и бухарских пределах Средней Азии»⁵⁷. Это была первая в науке статья, посвященная исмаилитам Памира. А. А. Семенов в своей рецензии оценил статью о памирских исмаилитах Бобринского как «единственную в своем роде». Роль *тиров* в среде исмаилитских общин, биографические сведения о них и указания на места распространения этой секты изложены Бобринским, побывавшим в Шугнанах летом 1901 г., с «большой полнотою, а приведенная им европейская библиография по исмаилизму вообще делает эту статью весьма ценным пособием для изучения среднеазиатского исмаилизма», — писал Семенов⁵⁸.

В 1908 г. была издана последняя и главная книга графа А. А. Бобринского из его среднеазиатского цикла, названная им «Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы)»⁵⁹. А. А. Семенов писал о «Горцах верховьев Пянджа», что книга во многом «выигрывает от того, что проникнута теплым отношением автора к описываемой им народности, горцам-таджикам, волею судьбы и разнообразных исторических перипетий занесенных в эти суровые страны с заоблачными высями и ослепительным на них сиянием вечных снегов и льдов»⁶⁰. На последней странице этой книги графа сообщается о скором выходе книги Н. В. Богоявленского «Горцы верховьев Аму-Дарьи, антропологический очерк, X фот. Москва, 1909». Вероятно, она только готовилась к печати, но не была издана. Мы не смогли найти эту книгу ни в библиотеках, ни в архивах.

Полевые материалы по антропологии, а их было большое количество, не были своевременно обработаны в силу занятости Богоявленского своей основной профессией. Из этого следует, что граф Бобринский готов был ее издать, однако обстоятельства не позволили Богоявленскому закончить работу. После его смерти в 1930 г. большая часть его антропологических рукописей была потеряна. Оставшиеся материалы И. В. Богоявленская, вдова ученого⁶¹, передала Научно-исследовательскому институту антропологии МГУ. В 1935 г. НИИ антропологии предоставил В. В. Гинзбургу⁶² возможность обработать эти материалы⁶³. В его статье сообщается, что часть материалов уже была подготовлена к печати, поэтому, видимо, граф Бобринский в 1908 г. и сообщил о скором выходе книги. Благодаря трудам В. В. Гинзбурга⁶⁴ полевые материалы Богоявленского 1898—1901 гг. были введены в научный оборот.

Надо также отметить, что в том же 1908 г. в «Этнографическом обозрении» в библиографической заметке, по-видимому, аннотировалась еще одна книга под рабочим названием «Некоторые древности Средней Азии, собранные и обработанные А. А. Семеновым, предложены к изданию А. А. Бобринским в виде альбома»⁶⁵. Судьба ее также неясна.

Таким образом, граф А. А. Бобринский, который в это время начал интенсивно заниматься народным искусством Русского Севера, в то же время, по всей вероятности, завершая среднеазиатский цикл, планировал издать еще две книги. Первая — с антропологическими материалами, собранными Богоявленским в трех экспедициях графа, а во втором случае издать альбом фотографий из экспедиции 1898 г. с археологическими материалами, собранными А. А. Семеновым. Увы, оба проекта не реализовались. Семенов в это время исполнял в Ташкенте обязанности дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе и, видимо, был занят службой, а нужно было написать новые тексты и переработать старые.

Несмотря на сказанное, сведения по традиционной культуре народов Памира, собранные в ходе экспедиций, снаряженных графом А. А. Бобринским, и опубликованные им, а также А. А. Семеновым, вошли в золотой фонд отечественной науки и с тех пор считаются классическими трудами, к которым до сих пор обращаются уче-

ные — ориенталисты и этнографы, работающие в области изучения этнографии таджиков и других народов Средней Азии.

Примечания

¹ Даже в очень хорошей книге, посвященной участнику второй экспедиции графа А. А. Бобринского А. А. Семенову, авторы, говоря о графе, судя по тексту, подразумевают его троюродного брата — «известного археолога и этнографа» (Акрамов Н. М., Литвинский Б. А. *Александр Александрович Семенов (научно-биографический очерк)* (М., 1971), с. 25). В 2011 г. в московском издательстве «В. Шевчук» была переиздана книга-альбом А. А. Бобринского «Народные русские деревянные изделия: предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода». В ввводной статье рассказывается об Алексее Александровиче как об авторе, в то время как авторство этого фундаментального труда принадлежит Алексею Алексеевичу Бобринскому. Он же на свои средства дважды ее издал в 1911—1914 гг.

² Расовский Д. Граф А. А. Бобринской. *Annales l'Institut Kondakov (Seminarium Kondakovianum)*. IX. (Beograd, 1940), с. 240—244.

³ Рукопись некролога была обнаружена Д. Н. Худоназаровым в числе других документов на чердаке одного из домов Бобринских в Сиузи (Тироле, Италия), где прошли последние годы жизни графа. Обстоятельства обнаружения этих документов см.: Худоназаров Д. Н. В поисках архива графа А. А. Бобринского в Южном Тироле. К 150-летию ученого. *Вестник архивиста*, 2, 3 (2011), более подробно см.: <http://www.scribd.com/doc/95891655/Graf-Bobrinskoj-2>.

⁴ Талалай М., Марабини-Цеггелер Б. *Русская колония в Мерано* (Больцано, 1997), с. 106—108.

⁵ Худоназаров. Граф. *Проблемы общей и региональной этнографии (к 75-летию А. М. Решетова)* (СПб., 2007); он же. Граф А. А. Бобринской — основоположник изучения духовной культуры таджиков Памира. *Религиоведение*, 3 (2008), с. 175—187; он же. Душа найдет покой... *Родина*, 7 (2008), с. 63—67; он же. История одной ошибки в каталоге. *Вестник Библиотечной ассамблеи Евразии*, 3 (2008), с. 73—78; он же. Справка о фотографиях профессора Н. В. Богоявленского. Директору Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН академику Тишкову В. А. (Москва, 4 ноября 2008); он же. В поисках архива графа А. А. Бобринского в Южном Тироле. *Вестник архивиста*, 3 (2011), с. 155—163, 3, с. 223—234; он же. Тихий благодетель. *Родина*, 8 (2011), с. 63—67; Талалай, Марабини-Цеггелер, Худоназаров. *Граф Бобринской. Долгий путь от Памира до Доломит* (Больцано, 2012) (на рус., итал. и нем. яз.).

⁶ От редакции. *Русский зоологический журнал*, 10/4 (М., 1930), с. 3—4; Н. В. Боговяленский. Некролог. *Антропологический журнал*, 1 (М., 1932), с. 151—152.

⁷ Некрасов А. Д. Профессор Н. В. Боговяленский. *Записки Биологической станции Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Больше Московской губернии*, 4 (Тверь, 1930), с. 7—17.

⁸ Федченко О. А. *Флора Памира. Собственные исследования 1901 года и свод предыдущих* (СПб., 1903), с. 14, 21, 44, 84, 90 и др.

⁹ Липский В. И. *Флора Средней Азии, т. е. Русского Туркестана и ханств Бухары и Хивы* (СПб., 1902—1905).

¹⁰ Там же, ч. II (1903), с. 360—362. См. также более краткое изложение маршрута, сделанное Боговяленским в докладе на заседании Зоологического отделения ОЛЕАЭ 5 ноября 1895 г. (*Дневник Зоологического отделения Общества и Зоологического музея*, II/5 (М., 1897), с. 21). Там же приводится краткий обзор собранных экспедицией естественноисторических коллекций (с. 21—22).

¹¹ Боговяленский Н. В. На озерах Памира. *Дневник отдела ихтиологии императорского Общества акклиматизации животных и растений*, II/5—6 (1901), с. 5. О политике России на Памире в этот период см.: Зайченко [З. И.]. *Очерк возникновения, последовательного развития и современного положения Памирского вопроса* (Ташкент, 1904); Тагеев Б. Л. *Памирские походы 1892—1895 гг. Десятилетие присоединения Памира к России* (Варшава, 1902); Халфин Н. А. *Борьба за Памир в 1873—1895 г.* Автореф. дис. ... к. и. н. (Ташкент, 1945); Искандаров Б. И. Изучение Памира в связи с историей сопредельных стран во второй половине XIX в. *Известия АН Таджикской ССР*, 4 (46) (1966), с. 28—39; он же. Англо-русское разграничение 1872—1873 гг. *Вопросы истории Таджикистана* (Сталинабад, 1961); он же. *Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.* (Душанбе, 1962); он же. *Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств* (Душанбе, 1983); Бокиев О. Б. *Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и горного Бадахшана к России* (Душанбе, 1994); Харюков Л. Н. *Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм* (М., 1995); Постников А. В. *Схватка на «Крыше Мира»: политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке* (М., 2005); он же. «Исторические права» соседних государств и география Памира как аргументы в «Большой игре» Британии и России (1869—1896 гг.). *Acta Slavica Iaponica* (Hokkaido, 2000), с. 33—99; Пирумшоев Х. *Памир в первой половине XIX — начале XX вв. История Горно-Бадахшанской автономной области* (Душанбе, 2005), с. 282—378;

Терехов В. П. *Государственная политика России, СССР и Российской Федерации по отношению к Памиру (вторая половина XIX — начало XX в.)*. Автореф. дис. ... к. и. н. (М., 2011) и др.

¹² Богдавленский. На озерах Памира, с. 9; Некрасов. *Указ. соч.*, с. 13.

¹³ Макшевская пещера была посещена еще в 1870 г. А. П. Федченко и А. Л. Куном в ходе Искандеркульской экспедиции (Протоколы заседаний ИОЛЕАЭ. *Известия ИОЛЕАЭ*, X/1 (М., 1872), с. 82—83.

¹⁴ Барщевский (Борщевский) Лев (Леон) Семенович (20.02.1849 — 09.03.1910), полковник, действительный член ИРГО, чл.-кор. Московского императорского общества испытателей природы, почетный член многих русских и зарубежных обществ. Происходил из дворян Киевской губ. Образование получил во Владимирской военной гимназии, Одесском пехотном училище и офицерской стрелковой школе. Из училища вышел в 55-й пехотный Подольский полк (1868), в 1876 г. поступил добровольцем в топографическое отделение гарнизона в Самарканде. Полковник (1904). «Туркестанец доброго старого кауфманского типа», «туркестанец-идеалист». Занимался востоковедным изучением региона и населения. Прекрасно владел узбекским языком. Попутно записал много местных легенд. Участвовал во многих экспедициях в Туркестане, особенно в Бухарских владениях. В частности, кроме упоминаемых в тексте летом 1894 г. участвовал в экспедиции доктора И. Л. Яворского в Бухару и Самарканд. Его имя присвоено леднику Гиссарского хребта.

За время службы собрал великолепную коллекцию древностей Самарканда (предметы керамики, исламской торовтики, стекла, терракоты, геммы, древние монеты и т. д.). Собирал минералогические и энтомологические коллекции. В сер. 1890-х годов основал в Ташкенте частный археологический музей. Некоторую часть своих коллекций пожертвовал в разные научные учреждения, а большую, лучшую, часть в 1895 г. предложил властям Самаркандской области. Однако необходимых средств на ее покупку не нашлось, и в 1896 коллекция была продана владельцем французскому коммерсанту и коллекционеру Люсьену Манжини.

Увлекался фотографированием, в 1874 г. освоил секреты фотографии у акварелиста и фотографа Николая Осипова. Имел хорошую фотокамеру, которая была ему подарена французским путешественником Надаром. Создал одну из лучших для того времени коллекций снимков природы, архитектурных памятников, моментов повседневной жизни жителей края. В 1895 г. за фотографии о своих путешествиях был награжден золотой медалью на фотовыставке в Париже, а в 1901 г. был удостоен высшей премии на фотовыставке в Варшаве. В 1896 г. за отказ перейти в православие его

перевели в Седльце, откуда он часто выезжал в Ташкент, Самарканд, Сочи. В 1904 г. открыл Торговую школу для девочек в Седльцах (ныне Лицей им. Королевы Ядвиги), первой директрисой которого стала его дочь Ядвига. В 1904—1905 гг. участвовал в русско-японской войне и находился на Дальнем Востоке. В 1906 г. вышел в отставку. Трагически погиб 19 марта 1910 г. в Честохове и был похоронен на кладбище в Кулях, откуда, после того как с его могилы был украден памятник, прах его был перенесен в 1995 г. в семейную усыпальницу на кладбище Повонзки в Варшаве.

О Л. С. Барщевском см.: Эварницкий Д. И. О коллекции древних вещей из Афрасиаба и других мест Средней Азии. *Археологические известия и заметки*, 3 (1895), с. 19—20; Яворский И. Л. *Краткий отчет о научной командировке в Среднюю Азию, исполненной летом 1894 года. I. Поездка в горную часть Бухарского ханства и Самаркандскую область* (Одесса, 1895), с. 8, 9; Якубовский Ю. О. Памяти Л. С. Барщевского. *Туркестанские ведомости*, 61 (17 (30) марта 1910), с. 2; Лунин Б. В. *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.)* (Ташкент, 1958), с. 41—42; Басханов М. К. *Русские военные востоковеды до 1917 г.: биобиблиографический словарь* (М., 2005), с. 28—29; *Polscy badacze Siberii* (Warszawa, 2008), s. 54—58; Горшенина С. *Туркестанская коллекция Леона Барщевского*: http://svetlana.gorshenina.free.fr/3RU48_Varshchevskij_coll.pdf. 25 октября 1895 г. Барщевский на заседании Антропологического отдела ОЛЕАЭ прочел сообщение «Человеческие останки в Макшеватских пещерах Самаркандской области», в ходе которого демонстрировал антропологический материал, обнаруженный там (Протоколы заседаний Антропологического отдела. *Известия ИОЛЕАЭ*, ХС (М., 1897), с. 491).

¹⁵ Зограф Н. Ю. *Черепя Макшеватских пещер* (М., 1899), с. 1; Зеравшанские горы и Верховья Аму-Дарьи. *Поездка графа А. А. Бобринского и Н. В. Богоявленского в 1895 г.* Вып. 1.

¹⁶ Фирсов Н. Н. (Рускин А.). Русские ученые в Персии. *Исторический вестник*, 123 (М., 1911), с. 653—655.

¹⁷ Богоявленский. По Нилу (очерк путешествия зимой 1907 года). *Естествознание и география*, 1 (М., 1908), с. 48—55.

¹⁸ Он же. Жемчужные промыслы на острове Бахраине (предварительное сообщение). *Дневник отделения ихтиологии императорского Общества акклиматизации животных и растений*, II/5—6 (1905), с. 35—42.

¹⁹ На Персидском заливе [Изложение доклада Н. В. Богоявленского]. *Русские ведомости*, 62 (4 марта 1903), с. 3.

²⁰ Горячкин Г. В., Кислова М. А. *Поездка Н. В. Богоявленского в арабские княжества Персидского залива в 1902 г.* (М., 1999) (в приложении к этой небольшой книге приводятся тексты статей Н. В. Богоявленского «Жемчужные промыслы на острове Бахрайне» и «По берегам Персидского залива», причем последняя без указания источника). См. также дипломатическую переписку по этому вопросу в кн.: Бочаров А. «Ничего так не желают, как почаще видеть у себя русских». О плавании русских военных кораблей в Персидский залив в начале XX в. *Источник. Документы русской истории*, 6 (42) (М., 1999).

²¹ IX Выставка гидробиологии, рыболовства и аквариумов. *Русские ведомости*, 82 (24 марта 1903), с. 3.

²² Подробнее о нем см.: Лунин Б. В. А. А. Семенов (Некролог). *Советская археология*, 2 (1959), с. 299—300; Некролог. *Проблемы востоковедения*, 1 (1959), с. 240—242; Акрамов Н. М., Литвинский Б. А. *Александр Александрович Семенов (научно-биографический очерк)* (М., 1971); *Памяти Александра Александровича Семенова* (Душанбе, 1980) и др.

²³ В этнографических кругах эта экспедиция проходила как экспедиция А. А. Семенова (см.: *Этнографическое обозрение*, III (1898), с. 207).

²⁴ Акрамов, Литвинский. *Указ. соч.*, с. 22—23.

²⁵ Семенов А. А. *Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Грамматический очерк и памятники народного творчества* (М., 1900), с. 1.

²⁶ Богоявленский. В верховьях р. Аму-Дарьи (долины р. Хингоу и Ванджа). *Землеведение*, 1—2 (М., 1901), с. 1—2. О ходе экспедиции см. также: Семенов. *На рубеже Афганистана. 1. В благодатном Хиссаре (путевые очерки)* (М., 1900); он же. По границам Бухары и Афганистана (путевые очерки 1898 г.). *Исторический вестник*, 87 (СПб., 1902), с. 961—992; 88, с. 98—122.

²⁷ Об этом человеке мы находим упоминания в описании третьей экспедиции В. И. Липского в горную часть Бухарского ханства: Липский. *Горная Бухара: результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 годах* (СПб., 1905), с. 564, 565, 650, пр. 1. О нем же упоминает и А. А. Семенов в своих записках.

²⁸ Самарканд был взят 2 мая 1868 г.

²⁹ Помогал собирать естественноисторические коллекции он и во время экспедиции 1898 г. — после нее Богоявленский сдал в Геологический кабинет Московского университета несколько горных пород и коллекций ископаемых, собранных Якубом в районе Гиссарского хребта (*Отчет о состоя-*

нии и действиях императорского Московского университета за 1898 год (М., 1900), с. 167).

³⁰ Липский. *Горная Бухара... Ч. I: Гиссарская экспедиция 1896 г.* (1902), с. 22—24.

³¹ Там же. Ч. II: *Гиссар. Хребет Петра Великого. Алай*, с. 322.

³² Богоявленский. В верховьях р. Аму-Дарьи, с. 1.

³³ Там же, с. 14.

³⁴ Некрасов. *Указ. соч.*, с. 14.

³⁵ Богоявленский. В верховьях р. Аму-Дарьи, с. 19.

³⁶ Там же, с. 21.

³⁷ Семенов. Отношение к детям у горных таджиков. *Этнографическое обозрение*, XLII/3 (М., 1899), с. 99—107; он же. Из области религиозных верований горных таджиков. Там же, 47/4 (1900), с. 81—88.

³⁸ Он же. *Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза* (М., 1903); он же. *Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Грамматический очерк и памятники народного творчества* (М., 1900—1901). Этот труд стал так называемой «диссертацией», по сути дипломной работой А. А. Семенова по окончании Лазаревского института.

³⁹ Акрамов, Литвинский. *Указ. соч.*, с. 29.

⁴⁰ Некрасов. *Указ. соч.*, с. 13.

⁴¹ Бобринской А. А. *Орнамент горных таджиков Дарваза (нагорная Бухара)* (М., 1900).

⁴² В. В. Стасов. Отзыв о книге А. А. Бобринского «Орнамент горных таджиков Дарваза». *Записки Восточного отделения Русского археологического общества*, 14/1 (1902).

⁴³ *Ведомственный архив Государственного Русского музея*, ф. РГМ (1), оп. 1, ед. хр. 130. Переписка по Этнографическому отделу. 1900 г.

⁴⁴ *Архив Российской этнографического музея*, ф. 5, оп. 4, ед. хр. 233 (с описью коллекции).

⁴⁵ *Книга поступлений Этнографического отдела*, III, с. 298.

⁴⁶ Богоявленский. В верховьях р. Аму-Дарьи.

⁴⁷ Там же, с. 2.

⁴⁸ Некрасов. *Указ. соч.*, с. 14.

⁴⁹ Богоявленский. На озерах Памира, с. 5—10.

⁵⁰ Там же, с. 9.

⁵¹ Там же, с. 10.

⁵² Федченко Б. А. Шугнан. Географические и ботанические результаты путешествий в 1901 и 1904 г. *Труды Императорского Санкт-Петербургского Ботанического сада*, XXX/1 (СПб., 1909), с. 26—27.

⁵³ Там же.

⁵⁴ См., напр., обзор материалов по экспедициям в этот регион в книге: Липский. *Флора Средней Азии*; Хайтун Д. Е., Шибаета Ю. А. Вклад русских ученых в изучение археологии, этнографии и истории Памира (краткий очерк). *Ученые Записки Таджикского госуниверситета*, VII (Сталинабад, 1955), с. 47—66; Агаханянц О. А. *Между Гиндукушем и Тянь-Шанем: История изучения природы Памира* (Душанбе, 1962); Акрамов. *Русские исследователи и их вклад в изучение истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья*. Автореф. дис. ... д. и. н. (Душанбе; М., 1975); Баратов Р. Б. *Геологическое изучение и картографирование Таджикистана* (М., 1983); Рахматова З. Ю. *Вклад русских ученых в формирование и развитие естественных наук Таджикистана во второй половине XIX — начале XX вв.* Автореф. дис. ... к. и. н. (Душанбе, 2009); Алиева Р. Р. Вклад русских путешественников и ученых в изучение истории, этнографии, экономики и политического строя таджикского народа. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2 (февраль, 2009), с. 43—47; Самиев А. М. *Географические исследования Памира в конце XIX — первой половине XX вв. и их значение для развития науки и экономики современного Таджикистана*. Автореф. дис. ... к. и. н. (Душанбе, 2010); Пирумшоев М. Х. *Памир в русской историографии второй половины XIX — начала XX вв.* Автореф. дис. ... к. и. н. (Душанбе, 2011) и др.

⁵⁵ Залеман К. Г. Шугнанский словарь Д. Л. Иванова. *Восточные заметки* (СПб., 1895), с. 269—320; он же. Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1897 г. *Известия Академии наук*, 8/1 (1898), с. VI—XVI.

⁵⁶ Бобринской. Дорожные записи, сделанные во время путешествия по Памиру. *Древности Восточные. Труды Восточной комиссии императорского Московского археологического общества*, 2/3 (М., 1903), с. 218—222.

⁵⁷ Он же. Секта исмаиля в русских и бухарских пределах Средней Азии. Географическое распространение и организация. *Этнографическое обозрение*, LIII/2 (М., 1902).

⁵⁸ *Мир ислама*, под редакцией проф. В. В. Бартольда (СПб., 1912), 1/4, с. 526.

⁵⁹ [Бобринской]. *Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и шикашимцы). Очерки быта по путевым заметкам гр. А. А. Бобринского* (М., 1908).

⁶⁰ *Этнографическое обозрение*, I (М., 1909), с. 99—101.

⁶¹ Богоявленская Инна Владимировна (1884—1968), жена профессора Н. В. Богоявленского, урожденная Сенявина, из рода прославленного русского адмирала, а ее мать — из рода Рербергов.

⁶² Вульф Вениаминович Гинзбург (1904—1968) — анатом и антрополог. Преподаватель анатомии в Военно-медицинской академии (1937—1959). Работал в Институте этнографии и Ленинградском университете (1938—1941). Профессор (1949). Научные труды посвящены методам расового анализа, соотношения расы и конституции. Один из основоположников этнической антропологии в СССР.

⁶³ Гинзбург В. В. Антропологический состав населения Западного Памира: по материалам Н. В. Богоявленского. *Антропологический журнал*, 1 (1937), с. 93.

⁶⁴ Он же. *Горные таджики: материалы по антропологии таджиков Каратегина и Дарваза* (М.; Л., 1937).

⁶⁵ *Этнографическое обозрение*, III (М., 1909), с. 200. Хроника.